

Чжао Цзяньчэн свирепо вытаращил глаза, взмахнул зажатым в руке дымящимся курительным мундштуком и несколько раз ткнул им по направлению к собственной бабе. Сквозь стиснутые зубы он пригрозил:

— Предупреждаю тебя, не вздумай творить всякую постыдную и дурацкую хрень! Я не позволю этой Цзян Хунмэй переступить порог нашего дома. Если ты посмеешь за моей спиной крутить хвостом и устраивать фокусы — собирай манатки и катись на все четыре стороны, поняла?

— Знаю, знаю!

Увидев, что ее благоверный рассвирепел, Цинь Фэнъин тут же втянула голову в плечи, превратившись в пугливую перепелку, и больше не смела вымолвить ни слова. Чжао Цзяньчэн мрачно зыркнул на нее и, заметив, что та стала гораздо смирнее, больше не стал докучать правоучениями.

Затем он повернулся и продолжил разговор с сыном:

— Завтра пораньше пойду в поселок, попрошу твоего дядю помочь разузнать, нет ли в их учреждении подходящей кандидатуры.

На сердце у Чжао Цзяньчэна тут же затеплилось ожидание, и он поспешно отозвался:

— Хорошо!

— Вот и славно.

Чжао Цзяньчэн с улыбкой похлопал сына по плечу:

— Время уже недетское, иди в комнату спать! Завтра спозаранку снова на работу.

— Угу! — Чжао Цзяньчэн сам поднялся со скамьи и бросил:

— Вы с мамой тоже ложитесь пораньше.

С этими словами он направился в свою просторную большую спальню. Не думайте, что в семье Чжао много народу — они вовсе не походили на других сельчан, где целая семья набивается на один кан и спит вповалку друг у друга на головах, так что даже повернуться трудно.

В их доме, помимо спальни Чжао Цзяньчэна с женой, у каждого была отдельная комната. Кроме того, имелись и отдельная кухня, и общая гостиная, и чулан, а еще пустовали свинарник и хлев.

Всем этим они были обязаны покойным дедушке и бабушке Чжао Цзяньго, а также его дяде из поселка — Чжао Маньцзяну. В свое время те не упустили момент и донесли на нескольких крупных землевладельцев поселка, благодаря чему неожиданно разжились слитком золота и несколькими мешками зерна.

С тех пор семья Чжао неслышно и тихо сказочно разбогатела. Братья Чжао, получившие образование, тайком сбыли слиток золота и провернули кое-какие дела. С учетом заслуг стариков и их собственных стараний, они добыли себе должности: один — командира производственной бригады, другой — рабочего на текстильной фабрике.

Позже они выучили всех семерых детей в семье. Впрочем, об этом не знал никто, кроме самих стариков Чжао, братьев и Чжао Цзяньго.

Причина была проста: хотя Чжао Маньцзян являлся самым успешным мужчиной в роду Чжао, у него родились четыре девчонки, а Чжао Цзяньго был самым настоящим старшим внуком и первенцем в основном роду Чжао.

Дядя надеялся, что в будущем, когда племянник встанет на ноги, он сможет присматривать за своими сестрами, чтобы девушкам после замужества некуда было податься, если их обидают. К тому же он не хотел остаться на старости лет без никого, кто проводил бы его в последний путь.

Подумать только, как нелепо: будучи образованным человеком новой формации, в глубине души он все еще цеплялся за эти феодальные пережитки. Если бы не то обстоятельство, что так жили почти все деревенские жители, кто знает, чем бы обернулось его поведение.

Но как бы то ни было, с тех пор дела у семьи Чжао пошли как по маслу. Не прошло и нескольких лет, как Чжао Маньцзян женился на городской продавщице из приличной семьи и при поддержке ее родителей стремительно пошел в гору, дослужившись до начальника производственного цеха.

Что же до Чжао Цзяньчэна, то он хоть и взял в жены деревенскую простушку Цинь Фэнъин из соседней деревни, зато ее родной старший брат служил в отряде народного ополчения. Вся их семья держалась дружно, а главное — к Чжао Цзяньчэну они относились всей душой. Местные жители видели это своими глазами и, конечно же, оказывали ему уважение. В дальнейшем, когда он занялся выборной должностью секретаря производственной бригады, семья Цинь приложила немало усилий.

Вдобавок к этому его старший брат, хоть и уехал в поселок и на словах говорил, что старый дом нужно оставить для старости, фактически уже отдал его Чжао Цзяньчэну. К тому же в небольшой семье самого Чжао Цзяньчэна они со старшим сыном Чжао Цзяньго могли заработать полные трудовые, да и Цинь Фэнъин со старшей дочкой Чжао Сюфэнь легко получали по семь-восемь трудовых.

Младший же сын, Чжао Цзямин, которому в этом году исполнилось тринадцать, с прошлого

года учился в поселковой начальной школе. Чжао Цзяньчэн и не ждал от него трудодней, он лишь хотел, чтобы парень нормально учился и в будущем добыл себе хорошее местечко.

В конце концов, они с женой занимали руководящие посты, так что на еду и питье для ребенка всегда хватало. Поэтому условия жизни семьи Чжао по праву считались одними из лучших в округе.

Именно поэтому Чжао Цзяньчэн всегда мечтал найти девушку из хорошей семьи. В конце концов, раз уж семья Чжао с таким трудом поднялась на ноги, неужели снова родниться с деревенскими? Сколько же поколений должно вкалывать, чтобы наконец окончательно выбиться в люди?

Раньше он рассуждал здраво, но стоило Цзян Хунмэй откликнуться на призыв и приехать на работу в деревню в коммуну «Хунци», как в его голове что-то замкнуло. Каких бы девушек ни предлагал ему Чжао Маньцзян, сколь ни были бы хороши их семьи, Чжао Цзяньчэн упорно отказывался даже взглянуть на них в полглаза.

Чжао Маньцзян и Чжао Цзяньчэн несколько раз безуспешно пытались его отговорить. Подумав, что раз уж девица родом из самой столицы и, судя по ее словам, у ее семьи имеются кое-какие связи, то всяко лучше их старого рода Чжао, они в конце концов смирились.

И кто бы мог подумать, что сегодня этот сорванец снова устроит такое представление! Но как бы там ни было, протрезветь — это в любом случае благо. В конце концов, Цзян Хунмэй никогда не была идеальной кандидаткой в невестки для семьи Чжао. Только вот не станет ли он снова жалеть о своем решении, когда одумается?

Чжао Цзяньчэн бросил взгляд на удалившегося старшего сына и тут же прикрикнул на младшенького, Чжао Цзямина, чтобы тот шел спать:

— Живо марш в постель! Завтра чуть свет вставать в школу.

— Ой!

Чжао Цзямин поднялся со стула и протянул к отцу руку:

— Пап, дай денег.

Услышав это, Чжао Цзяньчэн свирепо зыркнул на него:

— Разве я не давал тебе двадцать фэней всего пару дней назад?

Впрочем, ругая сына на чем свет стоит, он все же полез в карман, вытащил пять новеньких

купюр и сунул ему в руку:

— Проваливай, проклятый мот!

Чжао Цзямин оскалил зубы, мертвой хваткой вцепился в деньги и бросился наутек. Чжао Цзяньчэн повернулся к старшей дочери и, заметив в ее глазах тот же хищный волчий блеск, со вздохом отсчитал ей один фэнь. Девушка презрительно скривила губы, но все же с радостью зажала купюру в кулаке, поднялась и вышла из гостиной.

Чжао Цзяньчэн тяжело вздохнул и с щемящей болью в сердце похлопал себя по карману: уж больно быстро эти домашние проматывали деньги.

Как только Чжао Цзяньго переступил порог своей комнаты, в голове у него снова воцарился полный кавардак. Перед глазами то и дело возникал заплаканный образ Цзян Хунмэй с затуманенными слезами глазами, и волна тоски по ней с новой силой захлестнула его душу.

На сердце мгновенно заскребли кошки, и он почувствовал себя последним ничтожеством. Сегодня, на глазах у Нью Чуньхуа и остальных, когда все черным по белому объявили Гу Юя ее женихом, он все еще таскался за ней хвостом и не отступался — ну разве это по-мужски?!

И в то же время, стоило ему подумать о том, чтобы вот так просто взять и отказаться от девушки, которую он любил целых три года, в груди зашевелилось упорное несогласие. Чжао Цзяньго резко сел на постели и обеими руками взъерошил свои растрепанные короткие волосы.

Он совершенно не мог взять в толк и искренне полагал, что Цзян Хунмэй либо ослепла, либо лишилась рассудка. Иначе почему она предпочла отвергнуть его, перспективного и стремящегося вперед парня с блестящим будущим, и увязалась за каким-то ссыльным пережитком?

Чжао Цзяньго бросил на окно свирепый взгляд. В этот момент он люто ненавидел и Гу Юя, и эту неблагодарную, слепую к чужим стараниям Цзян Хунмэй. В голове у него роились мысли о том, как он заставит их пожалеть о сегодняшнем унижении, которому они его подвергли.

Пока он вынашивал планы мести, в пункте для образованной молодежи царило не меньшее оживление: из-за Цзян Хунмэй жильцы снова разругались в пух и прах.

— Ладно-ладно! Все и так устали, давайте быстро умоемся и спать! Завтра с утра опять на работу!

— С какой это стати опять ладно? Хуан Цимэй, хочешь быть доброй — будь ею за свой счет,

нечего делать из нас жертвы!

Образованный юноша Сун Ичэнь гневно зыркнул на короткостриженую девушку, а затем недобрым взглядом уставился на заплаканную Цзян Хунмэй и громко спросил ее:

— Сейчас ночь на дворе, кругом темнотища, и мы до сих пор не ужинали. Что ты предлагаешь делать?

— Точно.

Прислонившаяся спиной к стене Ван Вэньвэнь презрительно повысила голос и рявкнула:

— Мы же говорили, что крышу можно починить своими силами, так нет же, тебя обязательно понесло искать этого Гу Юя, чтобы звать на помощь! Я вот одного не пойму: крыша, которую чинит Гу Юй, сможет заменить нам ужин?

Ван Вэньвэнь кипела от злости и недоумения. Она искренне не понимала, почему сегодня эта женщина по имени Цзян Хунмэй раздражала ее абсолютно во всем, ведь раньше она не испытывала к ней такой неприязни.

— Кто ее знает?

Лу Сяюэ подхватила разговор, холодно глядя на виновницу торжества, которая сжалась в углу и жалобно всхлипывала, и язвительно процедила:

— Самое главное — когда этот самый Гу Юй не пришел, она же не унималась, насильно заставила Чжао Цзяньго тащиться уговаривать его снова.

И что вы думаете? Ушел — и пропал без вести, мы уже всю крышу сами доделали, а его все нет.

Все устали, проголодались, перепугались, не случилось ли с ней чего, побежали искать по всей округе... И что в итоге? А то, что мадемуазель сидит на берегу речки да любитесь на звездочки! Какая идиллия, а?

Услышав такие слова от своей подруги, Цзян Хунмэй почувствовала себя смертельно обиженной и подавленной:

— Я... я просто из-за настроения плохого, поэтому...

— У тебя настроение плохое, так мы теперь из-за этого голодать должны?!

Вспыльчивая Ли Цзяоцзяо сорвалась на крик:

— Какая нелегкая занесла меня в один барак с тобой для образованной молодежи? Целыми днями никаких полезных дел, только и умеешь, что шастать кругом да охмурять мужиков!

Ладно бы только это, но с какой стати из-за тебя должны страдать остальные? Ты нам кто — мать или отец родная?

Услышав это, Цзян Хунмэй почувствовала себя еще более оскорбленной:

— Т-ты... как ты можешь так со мной разговаривать? Я же не специально! К тому же, подумаешь — ужин приготовить!

Если бы я не вернулась вовремя, наверняка были причины, неужели вы сами не могли приготовить на один раз?! Обязательно было ждать меня?!

И вот теперь, оставшись без ужина, вы все валите с больной головы на здоровую, и что мне на это сказать? Я сегодня из-за того, что побежала просить людей починить нам крышу, столько унижений натерпелась, и кому мне теперь об этом рассказать?

Чем больше говорила Цзян Хунмэй, тем сильнее ей становилось жалко себя. Она совершенно не могла понять: раньше все вокруг были такими понимающими и рассудительными, с чего бы сегодня всем разом ополчиться на нее, будто наваждение какое нашло?

Она ведь хотела помочь Гу Юю, чтобы он влился в коллектив и во время перевоспитания ему жилось хоть капельку легче. Но мало того, что он не оценил ее доброты, так еще и позволил этому Шэнь Цзянаню обижать ее!

А этот проклятый Чжао Цзяньго! Стоило Цзян Хунмэй вспомнить, как среди бела дня этот тип бросил ее посреди горной тропы на растерзание чужим людям, да еще и назвал тупицей, как у нее от злости заболела печень.

Оказывается, вся его прежняя забота и мягкость были лишь маской. Деревенский мужлан он и есть деревенский мужлан — какую красивую оболочку ни натяни, грубую и низкую натуру не спрячешь.

Что же касается остальных жильцов молодежного барака, то тут и вовсе полнейший абсурд! Когда они с Чжао Цзяньго уходили, все ведь знали об этом и все дали согласие.

Раз она не вернулась после починки крыши, значит, что-то задержало! Могли бы сами попросту сварить поесть, а потом, когда она вернется, отработать долг — и делов-то!

Но нет, они такие мелочные и жадные до чужих ошибок, обязательно потребовали, чтобы она вернулась и готовила, а раз из-за этого затянулось время — тут же принялись обвинять ее во всем! Разве это не маразм? Она же не приставляла им нож к горлу, заставляя идти ее искать!

Цзян Хунмэй казалось, что с ней поступают ужасно несправедливо. А вот обитатели барака были близки к тому, чтобы сойти с ума от бешенства — у них просто не хватало слов описать чудовищный эгоизм этой женщины.

Мало того, что она совершила проступок и даже не думала раскаиваться, так она еще и перекладывала вину с больной головы на здоровую, заявляя, будто все вокруг искали ее по округе из-за того, что им лень готовить ужин! Это что за логика такая? Откуда на белом свете берутся настолько бесстыдные люди?

— Раз уж ты считаешь нас такими плохими и думаешь, что мы тебя обижаем, давай завтра пойдем к секретарю и попросим перевести тебя в другое место, устраивает?

Рывкнула Ли Цзяоцзяо так, что на ее висках вздулись вены, словно демонстрируя всю степень ее ярости:

— Наш храм слишком мал, чтобы вместить такую широкомыслящую барышню из числа образованной молодежи!

Выпалив это и не дав сопернице и шанса на возражение, она утащила за собой Лу Сяюэ и остальных. Вся компания дружно вывалилась из комнаты и утиснулась в две соседние комнатки грызть сырой батат, оставив Цзян Хунмэй в полном одиночестве сидеть сиднем и горько рыдать.

Спустя долгое время кто-то прошел мимо в темноте. Цзян Хунмэй тут же затихла, надеясь, что ее пришли утешать, но не тут-то было: человек просто захлопнул дверь и молча удалился.

Через деревянную толщу двери до нее донеслось глухое:

— Наконец-то перестала выть, задолбала до смерти.

Услышав это, Цзян Хунмэй скривила рот, снова уткнулась лицом в подушку и зашлась истошным плачем, пока наконец от усталости не уснула на голодный желудок.

Когда Гу Юй под покровом ночи вернулся во двор, Шэнь Цзянань уже лежал на глиняном канэ и так храпел во сне, что было очевидно — парень сегодня выбился из сил на прополке сорняков.

Гу Юй с мягкой улыбкой в уголке глаз подошел ближе, наклонился, взял с края постели одеяло и бережно укрыл им спящего. После этого он вышел во двор умыться, а спустя мгновение, в одной майке, вернулся в комнату, ловко задул лампу и забрался на кан.

Не успел юноша погрузиться в сон, как, почувствовав знакомое тепло, инстинктивно прижался ближе. Гу Юй с беззлобной улыбкой протянул руку, заключил мягкого пухлика в объятия и легко похлопал по слегка сутулой спине, после чего сам медленно закрыл глаза, погружаясь вместе с ним в сладкую дрему.

Яркий лунный свет струился сквозь окно, тихо окутывая двоих юношей и придавая их лицам поистине нефритовое сияние — чистое, холодное и прекрасное...

Едва забрезжил рассвет, как раздался гудок, призывающий на работу. Шэнь Цзянань раздраженно пинул одеяло, зажатое между ног, потер сонные глаза и сел на постели. Заметив, что рядом никого нет, он звонко крикнул:

— Брат Гу!

Эхо еще не затихло, как снаружи раздался голос Гу Юя:

— Я на кухне, поднимайся быстрее умываться, пора идти.

— Угу! —

Отозвался Шэнь Цзянань, торопливо натянул одежду, соскочил с кана и побежал во двор чистить зубы и умываться. А Гу Юй уже вышел с кухни, держа в руках два клубня батата, ополоснул их у самого источника и встал рядом, ожидая парня.

— Сейчас!

Шэнь Цзянань быстро ополоснул лицо, выжал полотенце и привычно повесил его на стоявшую рядом перекладину. Тут же перехватив протянутый ему фиолетовый батат, он с хрустом откусил кусок — сладко и хрустяще, отлично!

Парень лучезарно улыбнулся:

— Пойдем, брат Гу!

С этими словами он, продолжая уплетать за обе щеки увесистый клубень, побежал вперед. Его чуть длинноватые пряди волос в такт движению весело покачивались вверх-вниз, придавая ему какое-то трогательное очарование.

— Потихонечко, успеем! —

Крикнул вслед Гу Юй и быстрым шагом последовал за ним. Когда они добрались до места, на полях вовсю трудились местные крестьяне. Шэнь Цзянань пошарил по карманам, вытащил четыре леденца и, пока никто не видит, сунул по две штуки бригадиру Чжао Гану и учетчику Чжао Хунцзюню.

Затем, глядя на их ошарашенные лица, с улыбкой пояснил:

— Пусть детвора дома побалуется себя сладеньким.

После этого он схватил Гу Юя за руку и замер на краю поля, с надеждой глядя на них двоих. Те сперва даже сообразить не могли, какую хитрость замышляет этот малец. К счастью, Гу Юй раскусил его тайные замыслы и, с легким смущением оглядевшись по сторонам, тихонько напомнил:

— Бригадир, учетчик, пора приступать к работе.

Только тогда Чжао Хунцзюнь и Чжао Ган сообразили, к чему клонит молодой городской парень. Впрочем, ничего криминального в этом не было, и, подумав немного, они определили их обоих на один участок. Лицо Шэнь Цзянаня тут же просияло от радости, он несколько раз горячо поблагодарил их, а затем вместе с Гу Юем, закинув на плечи сельхозинвентарь, побежал к грядкам.

Вот только когда парочка с легким сердцем добралась до назначенного участка, выяснилось, что Лу Сяоюэ и Ли Цзяоцзяо из молодежного барака поставили на верхнюю террасу, а Цзян Хунмэй торчала прямо перед ними, преданно глядя на них во все глаза.

Лицо Шэнь Цзянаня, словно небо в марте, мгновенно помрачнело. Гу Юй с усмешкой похлопал его по макушке:

— Не дури, давай за работу!

Сказав это, он в одиночку направился в другую сторону, немного отстранившись от юноши, и, замахнувшись мотыгой, принялся рыхлить землю. Видя такой настрой и понимая, что Гу Юй не желает иметь с той девицей ничего общего, Шэнь Цзянань перестал дуться, сделал пару шагов вслед за ним и тоже споро принялся за дело.

Только вот сами они не хотели неприятностей, а вот Цзян Хунмэй была совершенно иного мнения. Увидев Гу Юя, она моментально позабыла про всякую прополку — ей не терпелось высказать ему все, что наболело за вчерашний день, и выплеснуть накопившуюся на душе горечь.

<http://bllate.org/book/22418/2353673>